

Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

**ST.PETERSBURG JOURNAL
OF ORIENTAL STUDIES**

**выпуск 7
volume 7**

Центр
«Петербургское Востоковедение»

Санкт-Петербург
1995

Реализация одного мифологического сюжета в стихотворениях китайских поэтов Гу Юня и Гао Пяня и корейского поэта Чхве Чхивона (IX в.)

Л. В. Жданова

(Институт востоковедения РАН, Санкт-Петербург)

Китайская и корейская культура второй половины IX в. сохранила для нас уникальные тексты трех стихотворений, написанные на один и тот же сюжет и принадлежащие китайским поэтам Гу Юню 顧雲 (?—894) и Гао Пяню 高駢 (?—887) и корейскому поэту Чхве Чхивону 崔致遠 (857—?). Все трое были современниками и друзьями, а Гу Юнь и Чхве Чхивон вместе служили под началом хорошо известного не только в Китае, но и за его пределами военачальника Гао Пяня.

Сюжет стихотворений связан с разразившейся в месте обитания южных «варваров» — мань (蠻) Небесной Грозой — Тяньвэй (天威). Этот космический прецедент послужил основанием для того, чтобы впоследствии Тяньвэй стал топонимом.

Цель настоящей статьи — показать довольно архаичные корни, лежащие в основе настоящего сюжета, выявив мифологические представления, близкие, возможно, индоевропейским.

Из трех стихотворений, которые будут рассмотрены ниже, два — стихотворения Гу Юня и Чхве Чхивона — входят в большие циклы, посвященные Гао Пяню.

Цикл Чхве Чхивона состоит из тридцати четверостиший (кит. *цзюецзюй* 絕句, кор. *чэлку*) и называется «Семисловные стихи, в которых описывается сила дэ» (кит. *ци янь цзи дэ ши* 七言紀德詩, кор. *чхил эн ки тэк си*).

В предисловии к циклу Чхве Чхивон замечает:

Довожу до Вашего сведения, что я внимательно просмотрел длинное послание и десять коротких песен, преподнесенных министру (имеется в виду Гао Пянь. — Л. Ж.) сверщиком текстов Гу Юнем, [с которым я] в один год [выдержал экзамены на чин].

[По принадлежности к] группе [тех, кто отменно усвоил] знание, это — Кит, извергающий валы моря, отточенность же

[его] слога — это — меч, упирающийся в Млечный Путь (досл.: Облачную реку)¹.

Не исключено, что в лице Гу Юня Китай имел одного из самобытнейших поэтов, чьи творения еще предстоит по-настоящему оценить.

Сюжет, о котором пойдет речь ниже, видимо, был предельно значим как для китайской, так и для корейской культур. Прежде всего отметим, что он связан с личностью Гао Пяня, которая в исторических хрониках предстает как мифологизированный персонаж. В основу сюжета положен эпизод, связанный с пребыванием Гао Пяня в Аннаме (安南) и таким его деянием, как очистка дна от камней на морском пути от Аннама до Гуанчжоу (廣州).

Во вьетнамской исторической хронике «Вьет шы лыок» («Краткая история Вьета») читаем (перевод А. В. Полякова):

Поскольку на морском пути от тья до Юна и Гуана было много подводных камней, на которых опрокидывались корабли, Гао Пянь приказал чжанли Линь Фэну провести расчистку.

Летом пятого дня четвертого месяца начались работы. Через месяц работы приближались к концу, но по пути наткнулись на огромную каменную глыбу в несколько чжанов в окружности и твердую, как железо. [Рубили] мечом, [меч] упал, лезвие погнулось, применили топор, сломалось топорщице. Отбывавшие трудовую повинность [работники] переглядывались, намереваясь прекратить [работу]. В 26-й день пятого месяца черные тучи застлали все вокруг, поднялся сильный ветер, вдруг разразилась сильная гроза, непрерывно гремел гром. Внезапно [небо] прояснилось, и оказалось, что каменная глыба разбита! Но после в двух местах в 26-й день седьмого месяца раздавался сильный грохот, как и прежде, в одно мгновение огромные каменные глыбы рассыпались на куски. Поэтому после окончания работ это место называли Тянь-вэй цзин².

Этот же эпизод приводится в китайской исторической хронике «Синь Тан шу» (新唐書):

[Гао] Пяня назначили на должность генерал-губернатора и по совместительству... пограничным воеводой... [Он] начал строить

¹ Чхве Чхивон. Гуйюань бигэн цзи (Сборник «Пахота кистью в Коричном Саду») — Цуншу цзичэн. Шанхай, 1936, т. 1866, цз. 17, л. 46.

² Краткая история Вьета (Вьет шы лыок). Пер., вступ. ст. и коммент. А. Б. Полякова. М., 1980, с. 124.

форты в Аннаме. Перевозкам грузов по воде из Аннама в Гуанчжоу препятствовало множество огромных камней. [Когда] запасы довольствия подошли к концу, а посланец уже год [как не возвращался], проложили путь в пяти местах и поставили солдат конвоировать [проходящие грузы]. [На этом-то] кратчайшем пути и оказался зеленый камень (кит. *цин ши* 青石). Какая-то почтовая лошадь цеплялась за то, с чем не могла справиться. Сейчас же предприняли штурм его (камня). Тут ударил гром (кит. *чжэнь* 震) и расколол этот камень. И тогда удалось пройти. Вот почему называли эту дорогу Тяньвэй («Небесная Гроза»)³.

Обратим внимание на такую деталь, как *зеленый камень*, выпущенную во вьетнамском тексте. Нам представляется, что придание *камню зеленого* цвета связано не столько с непосредственными зрительными впечатлениями, сколько с мифологическими представлениями. Чтобы понять их, вспомним, что *зеленый камень* нам уже встречался в цикле Чхве Чхивона «Воспеваю ветер и луну» (кит. *инь фэн нун юэ* 吟風弄月, кор. *ым пхунь нонь вэл*), так же как и предыдущий цикл, написанном в Китае. Напомним это стихотворение:

Отвесно [стоящий] на вершине горы камень.

- В десяти тысяче [летней] древности создан [он] Небом и [потому]
превосходит гравированные и отшлифованные [камни]. (1)
- На высокой-высокой вершине
[он] стоит, [словно] зеленая рукашка. (2)
- Летящие потоки никогда
не вторгались [в пространство камня]. (3)
- Лишь свободные облака
задевают [его] во множестве. (4)
- [Его] отвесная тень всегда первой
встречает солнце в море. (5)
- [Его] опасная форма постоянно пугает:
[вот-вот] рухнет в волны прилива. (6)
- Пусть даже во множестве скрыта [здесь] яшма,
кто обратит на [этот камень] внимание? (7)
- Весь мир заботится [только] о себе
и смеется над Бянь Хэ⁴. (8)

По-видимому, этот же *зеленый камень* упомянут и в одном из так называемых «весенних» стихотворений Чхве Чхивона, написанных, как и цикл «Воспеваю ветер и луну», на морском побережье в Шаньдуне:

³ Синь Тан шу (Новая история династии Тан). — Сы бу бэй яо. Шанхай, 1936, т. 75—78, цз. 224 (ся), с. 1740.

⁴ Чхве Чхивон. Указ. соч., л. 106.

**Вторя юаньваю Киму,
преподношу чистейшему и высшему из людей,
[обитающему] в высоких горах**

Крытая травой хижина на берегу моря в облаках прислонилась к
[камню, похожему на] зеленую ракушку. (1)

Далека от мира пыли
и [потому] зовется жилищем монаха. (2)

Прошу Вас, перестаньте задавать вопросы
о «Банановой притче». (3)

Взгляните, как гонит пену волн (букв.: цветы на волнах. — Л. Ж.)
весенний ветер⁵. (4)

В этих стихотворениях корейского поэта *зеленый камень* сравнивается с *ракушкой* (кит. 螺, кор. 나).

Ассоциацию *зеленый камень* или *зеленая гора* — *ракушка* можно встретить и в стихах прославленного танского поэта Лю Юй-си (772—842):

Издали гляжу: зимородковый цвет горы [озера] Дунтин
[Напоминает] мне зеленую ракушку на блюде белого серебра
(т. е. на поверхности воды . — Л. Ж.)⁶.

Отметим, что *камень*, как и *гора*, мыслился в китайской и корейской культуре либо воплощением, либо убежищем *хтонических* существ: дракона, лягушки, червя, моллюска, скрытого в раковине, и т. д. Ср. указание Б. Л. Рифтина на то, что легендарный Юй, усмирявший наводнение, имя которого по словарю «Шо вэнь» значит «червь», «пресмыкающееся», был рожден в Шиню — Каменном узле или в Шияо — Каменной впадине. По преданию, родив Юя, его мать сама превратилась в камень⁷. Ср. также эпизод из поэмы корейского поэта Ли Гюбо 李奎報 (1168—1241) «Тонмён-ван» (東明王), где говорится о том, что Хэбуру, правитель Пуё, до старости не имел детей. Тогда он принес жертвы горам и потокам, моля о наследнике, сел на лошадь и достиг омута Конён. На берегу он увидел большой камень, сочащийся слезами. Он удивился и велел людям перевернуть этот камень. Там оказалось дитя в форме лягушки золотого цвета. Правитель сказал: «Это Небо дарует мне прекрасного потомка!»

⁵ Чхве Чхивон. Указ. соч., л. 126.

⁶ Пэй вэнь юнь фу (Сокровищница рифм наиболее чтимых писем). Шанхай 1931. Т. 2, с. 891.

⁷ Рифтин Б. Л. От мифа к роману. Эволюция изображения персонажа в китайской литературе. М., 1979, с. 123—125 (Серия «Исследования по фольклору и мифологии Востока»).

Он усыновил его и нарек Кымва — Золотой Лягушонок, сделав его своим наследником⁸.

В этом же мифе с *камнем* связан еще один эпизод. Божество реки Хабэк (河伯) выдает замуж за сына Небесного государя свою старшую дочь по имени Люхва (柳花) — Ивовый Цвет. Но сын Небесного государя, протрезвев после свадебного пира, устроенного Хабэком, возносится на Небо один. Хабэк разгневан и бранит дочь. Затем он велит слугам накинуть ей петлю на губы и затянуть покрепче: губы вытягиваются на целую пядь. Он дает ей в услужение нескольких служанок и ссылает на озеро Убальсу. Однажды рыбак по имени Пучху, обладающий недюжинной силой, сказал государю, что какой-то зверь таскает рыбу из запруды, а какой, неизвестно. Государь велел ему поймать безвестного зверя сетью, но рыбацкая сеть порвалась. Тогда сковали железные сети. И вот в сетях — неведомая жена. Сидит на *камне*, а губы у нее до того длинные, что она не может и слова вымолвить. Трижды государь приказывал укоротить ей губы, и только тогда она заговорила⁹.

Последний эпизод особенно интересен в связи с мотивом *отверзания врат речи*, мыслящимся как аналог мотива *отверзания врат жизни*, равно соотносимых со стихией *воды*. В интересующем нас сюжете *разверзается камень* (или *горы*) — убежище хтонического персонажа, выступающего, как и в индоевропейской традиции, противником Бога Грозы¹⁰.

Итак, обратимся к стихотворению Гу Юня, в котором сюжет *Небесной Грозы*, разыгравшейся в месте обитания южных «варваров» — *мань* (напомним, что иероглиф мань 蠻 пишется с детерминативом «червь»), представлен наиболее ярко:

Дорога Тяньвэй

Хребты [варваров] мань — высоки.	(1)
Море [варваров] мань — широко.	(2)
Уходящие [в дальний путь] большие джонки и возвращающиеся [в Китай] суда отправляют сюда на отдых.	(3)
Лодочки на одну ночь обретают сон.	(4)
[На этот раз] все разом поднялись, кое-как приведя себя в порядок.	(5)
Внезапно поднялся ураганный ветер, облака будто взбесились.	(6)

⁸ Ли Губо чакпхум сонджип (Избранные произведения Ли Губо). Пхеньян, 1959, т. 1, с. 20 (Серия «Чосон коджон мунхак сонджип»).

⁹ Там же, с. 23—24.

¹⁰ Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974, с. 42.

Мифы и фольклор народов Востока

- Водяные валы, раскачиваясь, выбросили высохшие
[подобно шелковичным червям, погибшим до образова-
ния коконов,] останки рыб и Дракона. (7)
- Опасаясь рассердить духа моря, [все] устремились на берег. (8)
- Ноги тряслись, [как тела у] ласточек в горах,
затаившихся в камнях. (9)
- Показалось, [будто] пролетела желтая змея и,
сверкнув, молниеносно пронеслась мимо. (10)
- Белое солнце повисло вниз головой —
серебряная веревка растянулась. (11)
- Грохот колес (*хун-хун* 轟轟) по гряде камней (*ло-ло* 哐哐) —
то возвращалась колесница Грома (кит. *Лэй* 雷). (12)
- Звук удара грома (*ни ли* 霹靂) [был подобен звуку] сражения,
[разразившегося между] Небом и Землей. (13)
- [Но вот] ветер утих, облака рассеялись — стали смотреть: (14)
- Зеленые горы, [простирающиеся] на десять тысяч ли,
раскололись надвое. (15)
- Далеко-далеко (*яо-яо* 遙遙) [растянулись] повозки. (16)
- Топот коней — *тянь-тянь* 聞聞. (17)
- [Путь] стал гладким, словно точильный камень. (18)
- Прямым, словно натянутая тетива. (19)
- Все десять тысяч родов восьми государств Юньнани
(букв.: Облачный Юг. — *Л. Ж.*) (20)
- Поняли, что это — путь прихода ко двору Неба. (21)
- Гэн Гун совершил [церемониальный] поклон и
появилась вода на дне колодца. (22)
- Гуанли пронзил [скалу] и открылся источник на горе¹¹. (23)
- Если рассуждать, [как] в древности, о смысле Помощи
[творению] феноменов природы (кит. *у* 物), (24)
- То подвиги этих двух полководцев окажутся незначительными
[по сравнению с этим чудом]¹². (25)

Не вникая в детали первой части стихотворения, остано-
вимся на центральном моменте — фигуре китайского божества
Грома — *Лэй-гуне* 雷公 и его акции в месте обитания южных
«варваров» — *мань*. Атрибут Грома в этом стихотворении —
колесница, колесная повозка (кит. *чэ* 車). Этот графический об-
раз обыгран в таких знаках, как *хун* 轟 (иероглиф представляет
собой знак, состоящий из трех элементов *чэ* 車) и *чжуань* 轉

¹¹ При Восточной Хань гунны осадили город Шулэ, где войсками командовал генерал Гэн Гун. Они запрудили реку, и город остался без воды. Ее не оказа-
лось даже в колодце глубиной в 15 чжанов. Тогда Гэн Гун, обращаясь к Небу,
со вздохом сказал: «Слышал я, когда-то полководец Эр (Ли Бин, он же Гуан-
ли) рассек скалу, и из нее стремительно хлынул поток воды, а ныне неужели
оскудели у Ханей добродетель, совершенство и чистота?» После чего он со-
вершил церемониальный поклон колодцу, испрашивая у него воды, и вода
побежала.

¹² Цюань Тан ши (Полное собрание стихов династии Тан). Пекин, 1960, т. 10,
с. 7302.

(иероглиф пишется с детерминативом «повозка»), имеющих значение «вращаться».

Мотив *вращающегося колеса* может быть связан с *Солнцем*. Ср. со стихотворением корейского поэта Сок Тальджона 釋達全 (?—?) «Сочиняю стихи на рифмы оды Чо Хёна о хризантеме»:

- Ветер в тунгах подул с запада
и крыша распоролась. (1)
- Жужжание насекомых всю ночь напролет
от холода вот-вот прекратится (букв.: завяжется узлом. — Л. Ж.). (2)
- Небесный Мастер отложил
Золотые ножницы. (3)
- Красные чувства и зеленые мысли
выметаю бесследно. (4)
- Юань-мин плачет,
лежа в полынной деревне. (5)
- Призывает подняться древний аромат,
[ведь] аромат не умирает. (6)
- Мускусный мешочек с желтой пудрой,
благодаря Небу, раскрылся. (7)
- Повсюду, с четырех краев золотого углубления (букв.: гнезда, из
которого произрастает цветок. — Л. Ж.)
поднимается осенняя душа. (8)
- На лице муравьи из яшмовой влаги,
радуюсь, что [они] слетели [с поверхности чаши]. (9)
- У чайника певички с чашами, (полными) мутного вина, —
это [дом под] черепицами семейства Чон. (10)
- Уговариваю господина вдыхать сполна [аромат]
желто-золотых цветов.
- Над головой — красное колесо,
словно бегущий конь¹³.

О ритуальной роли *колеса* в древних индоевропейских традициях ныне хорошо известно¹⁴. Как указывают авторы этого труда, в древнеиндийской мифологии *колесо* выступает в качестве символа, связанного с богом *Индрой*, который выигрывает (или похищает) «колесо» у бога солнца *Сурьи*. Похищенное *колесо* служит Индре оружием в борьбе с демонами. По словам Т. Я. Елизаренковой, космогоническая деятельность Индры заключалась в убийстве змея *Вритры*, олицетворяющего силу сопротивления *горы* (змея лежит на горе)¹⁵.

¹³ Тонмунсон (Избранные произведения литературы Восточного [государства]). Сост. Со Годжон. Ксилограф. [Б. м., б. г.], кв. 6, л. 226—23а.

¹⁴ Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984, т. 2, с. 720—721.

¹⁵ Ригведа. Мандалы I—IV. Изд. подгот. Т. Я. Елизаренкова. М., 1989, с. 497.

Мотив *колеса как оружия* обнаруживается и в иранской мифологии. В убыхском варианте осетинского Нартовского эпоса выступает *Режущее колесо, Колесо гибели*. Такое *катящееся колесо* поражало врагов нартов, разрезая ноги выше колен¹⁶.

В стихотворении Гу Юня *колесо Грома разрезает надвое зеленые горы*.

На военную функцию *Грома* в китайской культуре впервые обратил внимание академик В. М. Алексеев¹⁷.

Гром является одним из основных мотивов китайских графических заклинаний, которые могут быть поняты как воплощение угрозы по отношению к ритуально нечистым, враждебным человеку силам. Творение заклинаний связано главным образом с охраной жилища от вторжения извне сил, нарушающих мир и покой (картины с такими заклинаниями вывешивались обычно на воротах дома или створках двери), и обереганием тела человека от проникновения в него духов, насылающих болезни, похищающих жизненные силы и т. д. (заклинания этого рода писались на амулетах, носимых на теле). Так, заклинание на одном из амулетов гласит: «Войско бога Грома! Войско бога Грома! Убей духов *гуй* 鬼, задави духов *цзин* 精. Разруби странных существ *яо* 妖, расколи странных существ *се* 邪. Навсегда гарантируй [мне] защиту благих и чистых духов»¹⁸.

Заклинания обращались не только против внедрения нечистой силы в дом и в тело человека, но и против так называемых *пяти ядоносков*: *жабы, стоножки, ящерицы, змеи и паука*. Эти заклинания приурочивались к празднику пятого дня пятой луны. Отметим, что наш сюжет, согласно вьетнамской хронике, также связан с *пятой луной*.

По словам акад. В. М. Алексеева, заклинание всегда писалось единым почерком, с дыханием, запертым на все время движения кисти по бумаге. Перед тем, как его писать, читалось еще особое заклинание для кисти, туши, тушечницы. Так, в одной из формул, предлагаемой для заклинания пишущей кисти, кисть сравнивается с *мечом*, разрубающим бесов и оборотней, а тушечница — с *небесным загоном* для скота, в котором хватают духа и преследуют его¹⁹. Заклинание для тушечницы может выглядеть следующим образом (перевод В. М. Алексеева):

¹⁶ Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Указ. соч., т. 2, с. 720.

¹⁷ Алексеев В. М. О некоторых главных типах китайских заклинательных изображений по народным картинам и амулетам. С.-Петербург, 1910.

¹⁸ Там же, с. 17.

¹⁹ Указ. соч., с. 72, текст 9.

«Верховный бог приказывает: священная тушечница четырехгранна (как 4 стороны света). Металл, дерево, вода, огонь, земля (5 элементов-стихий) и гром, ветер, дождь, молния! Стоит лишь легонько потерять тушь на этой тушечнице, как этим вызову блеск и треск грозы с молнией»²⁰.

В этой связи особый интерес представляет уподобление личности каллиграфа *Дракону* в стихотворении Чхве Чхивона «Образец [владения] кистью» из цикла о силе *дэ*, посвященного Гао Пяню. Кстати, известно, что и сам Чхве Чхивон был искусным каллиграфом²¹. Приведем перевод стихотворения:

- Увидел окно кабинета
и внезапно [представил себе] Спящего Дракона. (1)
- Духи передали [этому каллиграфу] чудесное мастерство и
способствовали удивительной отточенности его кисти (2)
(букв.: острое, острый кончик, жало насекомого. — Л. Ж.)
- Знаю, в государствах за пределами [Китая]
люди состязаются в том, чтобы научиться
[делать так же, как он]. (3)
- Жаль, у меня нет оснований
просить «след его руки»²². (4)

О связи *Грома* с *Драконом* упоминается в «Исторических записках» Сыма Цяня²³. Рассказывается, что как-то Лю-ао, мать будущего императора Гао-цзу, основателя династии Хань, отдыхала на склоне горы у большого озера и увидела во сне, что повстречалась с духом. В это время загремел гром, засверкала молния и вокруг стемнело. Когда Тай-гун, отец будущего государя, вышел взглянуть, где его жена, то увидел над ней чешуйчатого дракона. Через некоторое время она понесла, а потом родила будущего Гао-цзу. Как-то Гао-цзу в качестве начальника волости сопровождал людей, посланных на принудительные работы на гору Лишань. По дороге большинство отправленных на работы разбежались. Гао-цзу подумал про себя, что, пока они дойдут до места назначения, разбегутся и все остальные, поэтому у болотистых мест западнее Фэн он сделал остановку, чтобы выпить вина. Напившись допьяна, Гао-цзу ночью отправился по болотной узкой тропе, приказав одному из людей идти впе-

²⁰ Алексеев В. М. О некоторых главных типах..., с. 6.

²¹ Образец каллиграфии Чхве Чхивона см.: Хангук хак (Корееведение сегодня). Сеул, 1972, с. 95.

²² Чхве Чхивон. Указ. соч., т. 3, цз. 17, л. 56.

²³ Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. 2. Пер. с кит. и коммент. Р. В. Вяткина и В. С. Таскина под ред. Р. В. Вяткина. М., 1975, с. 157.

реди. Шедший в голове вскоре вернулся и доложил, что впереди большая змея преградила тропу. Но опьяневший Гао-цзу не испугался, двинулся вперед и, выхватив меч, зарубил змею. Змея оказалась рассеченной на две части, и путь открылся.

Мы не случайно привели этот фрагмент из «Исторических записок» Сыма Цяня. Змея в данном случае выступает в той же функции, что и *зеленый камень* в легенде, связанной с личностью Гао Пяня, т. е. как *преграда* на пути государя или лица, его замещающего.

Эта преграда преодолевается в *сражении* либо с помощью меча, либо с помощью *удара грома* (кит. *пи ли* 霹靂, кор. *пйонь йэк*). Удар грома связан прежде всего со звуком. Ср. с помещенным в «Шань хай цзине» мифом о творении из костей *Громового животного палок к барабану* (перевод Э. М. Яншиной):

В Восточном море лежит гора Движущейся волны. Она выступает в море на семь тысяч ли. На ее вершине живет животное, похожее на быка, с туловищем изумрудного цвета, без рогов, с одной ногой. Когда [оно] входит в воду и выходит из нее, то тут же поднимается ветер и льет дождь. Оно светится как солнце и луна, гремит как гром. Его имя Куй. Желтый предок схватил его, сделал из его кожи барабан. Палки сделал из костей Громового животного. Его бой пугает Поднебесную и слышен на пятьсот ли²⁴.

Здесь уместно будет напомнить стихотворение Чхве Чхивона «Волны прилива» из цикла «Воспеваю ветер и луну», который корейский поэт преподнес, как следует из предисловия к циклу, юаньваю Гао (по-видимому, Гао Пяню):

- Стремительно падающий снег и кружащийся иней
[ложатся] десятью тысячами по тысяче слоев. (1)
- Хожу туда и обратно, четверть луны [сменилась] полнолунием,
ступаю по протоптанным прежде следам. (2)
- Вижу Вас целыми днями —
[Вам] я способен хранить в душе верность
(кит. *синь* 信, кор. *син*). (3)
- Стыдно мне, что, следуя [духу] времени,
я полностью свободен и предаюсь лени [подобно Цзи
Кану, которого называли Спящим Драконом]. (4)
- Звук битвы от отвесной скалы, [на которой камень],
летит [подобно] ударам грома. (5)

²⁴ Каталог гор и морей. Шань хай цзин. Предисл., пер. и коммент. Э. М. Яншиной. М., 1977, с. 114.

Упавшая вниз тень вершины в облаках
дрожит на [листьях] лотосов. (6)

В связи с этим подумал о Цзун Цюэ
и его словах о «долгом ветре». (7)

Мощный дух [этого полководца] рождался вопреки [всем нормам]
и воскрешал в памяти [образ другого] Спящего Дракона
(полководца и стратега Чжугэ Ляна. — Л. Ж.)²⁵. (8)

Обратим внимание на два бинорма в параллельных пятой и шестой строках этого стихотворения: *ни ли* 霹靂 — удар грома и *фу жун* 芙蓉 — лотос. Напомним, что с *лотосом* Чхве Чхивон сравнивает *восходящее солнце* в первом стихотворении цикла «Воспеваю ветер и луну», оно называется «Вершина, [на которой] камень».

Море, гора, камень, удар грома, восход солнца присутствуют в одном из фрагментов поэмы Пак Чивона 朴趾源 (1737—1805) «В беседке "Скопление камней" смотрю на восход солнца». Приведем этот фрагмент:

Огромные волны ударяют о берег
и производят гром (кит. *ни ли* 霹靂). (12)

Все время боюсь, что черный ветер
налетит и опрокинет море. (13)

Вырвет с корнем гору,
и [та] рассыплется на десять тысяч камней²⁶. (14)

В этом отрывке *гора* уподоблена *мировому дереву*, которое грозитя поразить *Бог Грозы*. Культурный комплекс «*гора* как мировое дерево — *солнце* как цветок *лотоса*, связанный с процессом *порождения* и *творения мира* (ср. цейлонские мифы, в которых идет речь о сотворении из лотоса или семени лотоса тверди из воды или посредине воды²⁷)» запечатлен в китайских ритуальных предметах. Так, одна из курильниц ханьского времени представляет собой *бутон лотоса*, таящий в себе *Гору бессмертных* (вероятно, *Пэнлай* 蓬萊) с птицей на вершине. Все сооружение держит правой рукой даос, восседающий на спине животного²⁸.

В первом стихотворении цикла Чхве Чхивона «Воспеваю ветер и луну» вершина горы отождествляется с *Пэнлаем*. Во втором стихотворении цикла изображается та же гора, у подножия

²⁵ Чхве Чхивон. Указ. соч., т. 3, цз. 20, л. 96.

²⁶ Пак Чивон. Ёнам чип (Сборник Ёнама). Сеул, 1982, с. 86.

²⁷ Семека Е. С. История буддизма на Цейлоне (Сангха в древности и в средние века). М., 1969, с. 145.

²⁸ Каталог гор и морей, с. 96.

которой растут лотосы. То, что эту гору сотрясают звуки сражения, подобные ударам грома, может быть понято как попытка сил *Хаоса* поколебать основы *Космоса* в момент перехода от *Старого Года* к *Новому* (напомним, что цикл «Воспеваю ветер и луну» был написан зимой 884 г., когда Китай сотрясали мятежные выступления). Интересно, что изображение *лотосов* на рубеже года мы видим и в стихотворении Чхве Чхивона «Остановившись в Яньчжоу, преподношу юаньваю Ли», включенном в «Цюань Тан ши» (全唐詩):

- Лотосы (кит. *фу жун* 芙蓉, кор. *пуёнъ*) опали,
[над] осенним озером дождь. (1)
- Ивы поредели,
на рассветном берегу ветер. (2)
- [Сосредоточив] дух свой и мысли, только и тружусь
над книгами. (3)
- Год и дела проходят,
в чаше вино²⁹. (4)

Возвращаясь к стихотворению Гу Юня, остановимся на сравнении открывшегося после *Грозы* пути с *точильным камнем* (кит. *ди/чжи* 砥) и *тетивой лука* (кит. *сянь* 弦). По словам В. В. Иванова и В. Н. Топорова, мотив разбивания камня и каменного оружия, характерный для Перуна, отмечается во многих преданиях об *оселках* — «точильных камнях». Вот, например, одно из них: «Перун держит в руках два чрезвычайно громадных жернова, трет ими и ударяет один о другой; трением и ударами он производит гром и извлекает молнию. Осколки жернова летят на землю и поражают как стрелы. Каменные топоры и ножи народ называет перуновыми стрелами»³⁰. Сохранился ряд свидетельств о том, что у Перкунаса могли быть стрелы и даже лук³¹. Ср. изображение двух богов Грома в облике птиц, *стреляющих из лука*, на картине китайского художника XI в.³²

Особый интерес в связи со сказанным представляют сведения о находимых в Китае *громовых камнях*. Вот одна из версий. В период правления танского императора Су-цзуна (756—762) буддийский монах по имени Ни Чэн-цзюй преподнес императору дар из восьми ценных предметов, которые, как он утверждал, были получены им от Неба для передачи Сыну Неба.

²⁹ Цюань Тан ши, т. 12, с. 10193.

³⁰ Иванов В. В., Топоров В. Н. Указ. соч., с. 86—87.

³¹ Там же, с. 93.

³² Asiatic Mythology. New York, [1963], p. 274.

Шестой из этих предметов назывался *камни божества Грома*. Он состоял из двух частей, имеющих форму топоров, длиной в 4 дюйма и шириной более чем в дюйм. Топоры эти не имели отверстий и были выполнены из твердого минерала, напоминающего *зеленую яшму*³³.

По словам танского ученого, жившего в первой половине VIII в., подобные предметы находились людьми, обследующими местность, по которой пронеслась или над которой разразилась *гроза*. Копая землю, эти люди находили предметы разной формы. Одни из них напоминали ножи, другие — пилы. Были среди них и с просверленными двумя отверстиями. Многие напоминали топор. Они были темного (или зеленого) цвета с черными прожилками и из твердого камня, напоминающего яшму. Утверждали, что эти каменные орудия сделаны людьми и предназначены в качестве даров небесным божествам. А вот что замечает по этому поводу крупнейший китайский ученый XVI в. Ли Ши-чэнь: «В "Громовой книге" (*Лэй шу* 雷書) говорится: "Так называемые громовые топоры подобны обыкновенным топорам, сделанным из меди или железа. Громовые каменные глыбы для стирки белья напоминают такие же, которые существуют в реальной жизни, они красного и черного цвета. Громовые молоты весят несколько катти (мера веса в Китае, Индии. — Л. Ж.). Громовые сверла — более фута длиной и словно стальные. Они использовались божеством Грома для раскалывания вещей либо нанесения ударов по предметам. Громовые кольца похожи на яшмовые, они носились как поясное украшение божеством Грома, которое впоследствии упало на землю. Громовые бусы — это бусы, которые божественный дракон (*шэн лун* 神龍) держал во рту и выронил. Они способны осветить [своим сиянием] весь дом ночью"»³⁴.

Возвращаясь к стихотворениям, написанным на рассматриваемый здесь сюжет, обратимся к четверостишию Гао Пяня, которое называется:

Проходя путь Тяньвэй

Волчьи ямы кончились,
отходим ко двору Неба. (1)

Боевые кони прекратили ржанье
[из-за] вредоносных испарений [к югу] от хребтов. (2)

³³ Laufer B. Jade. South Pasadena, 1946, p. 63.

³⁴ Laufer B. Ibid., p. 64.

Путь возвращения был крут и опасен,
но теперь он широк и ровен. (3)

Единый на тысячу ли, он прям,
словно [источенный] жуками (червями)³⁵. (4)

Стихотворение начинается с упоминания такого персонажа, как *волк*. В тексте для его обозначения использован бинном *чай лан* 豺狼. Иероглиф *чай* 豺, как указывают словари, обозначает зверя, обитающего в полях (кит. *e* 野), похожего на *собаку*, и лютого, как *лан* 狼 — *волк*. Ср. указание на то, что в латышском встречаются такие архаические эвфемизмы для «волка», как «собака бога», «собака леса»³⁶.

Что касается такой характеристики, как *лютый зверь*, то здесь уместно вспомнить обращение В. В. Иванова и В. Н. Топорова к кругу текстов, связанных со Всеславом и Вольгой у восточных славян и с Вуком-Змеем Огненным у южных славян. Как указывают эти авторы, «рассмотренное на восточнославянском материале сочетание *лютый зверь* как обозначение мифологического чудовища — противника Бога Грозы находит точное соответствие в сочетании *лютый змей* как в восточнославянских текстах о Всеславе, так и в южнославянских»³⁷.

Говоря о ритуальной роли *волка* в древних индоевропейских традициях, исследователи подчеркивали связь *волка* с *оборотничеством* (ритуал превращения человека в волка в древней славянской и балтийской традициях, совпадающих с хеттской и германской)³⁸. Ср. с фрагментом из китайского источника «Цзо чжуань»: «Поле, которое мне пожаловали на южной окраине, — это то место, где обитают лисицы, то место, где воют волки». В этом же памятнике говорится: «Жуны и ди (западные и северные некитайские племена. — Л. Ж.) — это волки. Их невозможно насытить»³⁹.

В свете сказанного становится более ясным смысл такого стихотворения Чхве Чхивона из цикла «Воспеваю ветер и луну», как «Пожар в поле». Напомним это стихотворение:

³⁵ Вань шоу тан жэнь цзюецзюй (Десять тысяч танских цзюецзюй). Сост. Хун Май-цзи. Пекин—Шанхай, 1955, т. 2, цз. 47, л. 126.

³⁶ Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Указ. соч., т. 2, с. 493—494.

³⁷ Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей, с. 123—124.

³⁸ Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Указ. соч., т. 2, с. 493—494.

³⁹ Цыюань. Пекин, 1984, т. 4, с. 2942.

- Смотрю, как в центре бунчуки и знамена
внезапно смешались. (1)
- Боюсь, это — мятеж и
выходят войска. (2)
- Свирепое пламя озаряет небо,
вводя в заблуждение заходящее солнце. (3)
- Яростный дым стелется по полю,
преграждая [путь] возвращающимся облакам. (4)
- Не надо выражать недовольство тем, что [пожар]
нанесет ущерб пастбищам волов и коней. (5)
- Надо радоваться, что [он]
полностью истребит лисиц и барсуков. (6)
- Боюсь только, ветер помчит
[огонь] в горы, (7)
- [Где, следуя] ложным указаниям, будут уничтожены
одновременно яшма и простой камень⁴⁰. (8)

Не останавливаясь подробно на теме *огня*, развиваемой в этом стихотворении Чхве Чхивона, обратим внимание на оппозицию: *лисицы* и *барсуки* как дикие звери, звери-оборотни, обитающие в *поле*, которых надлежит уничтожить, и *волы* и *кони* как домашние животные, находящиеся на службе у человека.

В стихотворении Гао Пяня также дается оппозиция: *дикий зверь* — *домашнее животное*. Причем с *домашним животным* (*конь*) связывается угроза лишения *голоса*. Эта угроза может распространиться на мир и на человека, а погружение в *молчание* тождественно состоянию, равносильному *смерти*. Ср. с темой насильственного погружения в это состояние старшей дочери божества реки Хабэка перед тем, как той родить будущего основателя одного из корейских государств в поэме Ли Гюбо «Тонмён-ван» (напомним, ей накидывают на губы петлю и затягивают, чтобы она не могла разговаривать).

В данном случае *молчание* вызывается *вредоносными испарениями* (кит. *чжан ян* 瘴煙). Иероглиф *чжан* 瘴 поясняется как «влажные, горячие, вызывающие у людей болезни испарения в горных лесах Юга». При этом приводится следующий фрагмент из «Жизнеописания Ма Юаня» (馬援傳), помещенного в «Хоу Хань шу» (後漢書): «Когда Юань оказался среди [племен] *цзяочжи* 交趾 (букв.: сплетенные или спаренные ноги или пальцы ног. — Л. Ж.), он постоянно ел плоды ивлевой слезы (*ши* 薏苡), облегчая тело и избавляя себя от похотливых желаний. Так он преодолевал [влияние] вредоносных испарений (*чжан* 瘴)»⁴¹.

⁴⁰ Чхве Чхивон. Указ. соч., т. 3, цз. 20, л. 10а.

⁴¹ Цы юань, т. 3, с. 2144.

Связь *вредоносных испарений* с Аннамом и племенами *мань* или *цзяочжи*, как в приведенном выше тексте, закрепились в выражении *чжан юй мань янь 瘴雨蠻煙*, означающем «вредоносный дождь и испарения мань». Это выражение можно встретить, например, у сунского автора Синь Ци-цзи 辛棄疾 (1140—1207): «Вредоносный дождь и испарения мань, десятилетний сон, (сидим) за чашей вина, перестав разговаривать»⁴². Как видим, и эти строки связаны с темой *молчания* и состоянием *сна*, тождественным состоянию *смерти*.

Обращаясь к последней строке стихотворения Гао Пяня, заметим, что путь, названный Тяньвэй («Небесная Гроза»), источается *жуками* или *червями* (кит. *цян 強*), что проливает дополнительный свет на этимологию слова *мань 蠻*. О возможной связи этого термина с червем шелкопряда и мотивом *шелкоткачества* говорит стихотворение Чхве Чхивона «Умиротворение *мань*» из цикла о силе *дэ*:

- К востоку от горной заставы Цюнся
пыль мань исчезла (букв.: оборвалась). (1)
- Удержали оплот Пиньи и
земля мань оказалась разорванной. (2)
- Заново возвели Шелковый город
и перестроили Парчовый город. (3)
- Армия мань уничтожена навсегда,
а подвиг — не уничтожить (букв.: загасить)⁴³. (4)

Обращаясь к последнему из рассматриваемых стихотворений, отметим, что в лице Чхве Чхивона сюжет *Небесной Грозы* получил блестящее продолжение. Приведем это стихотворение:

Путь Тяньвэй

- Пробуравил Драконовы ворота
и еще больше прославил себя. (1)
- Разъединил [горы] Хуа и Юэ
и вознес хвалу духам. (2)
- Каково же было расколоть [расщепить]
дорогу к горам [бессмертных] в море! (3)
- Это и заставило восемь государств,
состязаясь, приходить в гости [ко двору]⁴⁴. (4)

⁴² Цы юань, т. 3, с. 2144.

⁴³ Чхве Чхивон. Указ. соч., т. 3, цз. 17, л. 8б.

⁴⁴ Там же, л. 7б.

Стихотворение посвящено деяниям первых китайских императоров, устроителей мира. Первые две строки намекают на подвиги великого Юя, чья личность достаточно хорошо известна, и мы на ней останавливаться не будем. Что касается третьей строки, то она зашифрована более первых двух, и здесь мы выскажем только предположение. По-видимому, речь идет о Цинь Ши-хуане. Эта фигура в китайской культуре наделена повышенными солярными характеристиками и связана с морем. В данном случае, очевидно, имеется в виду следующий эпизод из жизни императора, описанный Сыма Цянем в «Исторических записках» (перевод Р. В. Вяткина и В. С. Таскина):

Император поднялся на гору Гуйцзи и принес жертвы великому Юю. Принес издала жертвы Южному морю и поставил [памятный] камень с надписью, воспевавшей добродетели [дома] Цинь.

Надпись гласила:

<...>

Возвращаясь обратно, [император] проехал земли [княжества] У, переправился [через Янцзы] у Цзянчэна и, следуя на север вдоль берега моря, доехал до Ланье. Сюй Ши [Фу] и другие маги, ездившие в море в поисках снадобья, [дарующего бессмертия], за несколько лет ничего не добыли, а израсходовали много, [поэтому], боясь наказания, [они] стали лгать, говоря: «Снадобье с Пэнлая достать можно, но нам постоянно препятствуют большие акулы, и [мы] не в состоянии достичь [островов]. Просим отправить с нами искусных стрелков, которые при появлении [рыб] будут стрелять в них из спаренных луков-самострелов».

[В это время] Ши-хуан увидел во сне, что он сражался с духом моря, который имел облик человека. Он спросил [о значении сновидения] ученого-толкователя снов, тот ответил: «Духа вод увидеть нельзя, его охраняют рыбы-гиганты и водяной дракон. [Если] вы, государь, сейчас совершите моления и принесете жертвы со всей возможной почтительностью, то этот злой дух должен исчезнуть и сможет появиться добрый дух».

Тогда [Ши-хуан] повелел отходящим в море взять с собой снасти для поимки огромных рыб, а сам, вооружившись спаренным луком-самострелом, стал ожидать появления таких рыб, чтобы застрелить их. От Ланье император проследовал к северу и прибыл к горе Юнчэн, но рыб не обнаружил. [Когда он] подъехал к Чжифу, то увидел огромных рыб и стрелой из лука

убил одну из них. После этого [император] направился вдоль моря на запад⁴⁵.

Стихотворением Ли Бо 李白 (701—762) из цикла «Древние нравы (обычай)» (кит. *гу фэн* 古風), в котором описан поединок Цинь Ши-хуана с *китом*, ассоциирующимся с грудой *камней* или *горой* (*горами*) и выступающим как преграда на пути к острову-горе *Пэнлаю*, обители бессмертных, мы и хотели бы закончить разговор о данном сюжете:

- Циньский хуан
 вымел «шесть соединяющих»
 (небо, землю и четыре стороны света .— Л. Ж.). (1)
- Смотрел, как тигр —
 вот каким героем был! (2)
- [Его] летящий меч
 пробивался сквозь плывущие облака. (3)
- И чжухоу
 все пришли на запад (т. е. в Цинь. — Л. Ж.). (4)
- [Его] ясные решения
 помогало [принимать] само Небо. (5)
- [Его] обширные планы
 привлекали к себе множество талантов. (6)
- Отозвал войска
 и отлил металлические статуи. (7)
- Открыл [заставу] Ханьгу
 прямо на восток. (8)
- Увековечил [свои] заслуги
 [в мемориальной стеле] на горе Гуйцзи. (9)
- Широко окидывал взором [земли]
 с террасы в Ланье. (10)
- Семьсот тысяч
 узников (11)
- Поднимали землю
 на гору Лишань. (12)
- Ценил собрание
 трав бессмертия. (13)
- Печалился в сердце за посланных
 в даль. (14)
- Из спаренного лука-самострела
 выстрелил в рыбу. (15)
- Огромный Кит
 был настоящим нагромождением камней. (16)
- Его лоб и нос
 по форме [напоминали] пять пиков. (17)
- Вздымая волны,
 он фыркал, [подобно] грому в облаках. (18)

⁴⁵ Сыма Цянь. Указ. соч., т. 2, с. 82—85.

- Его плавники
заслоняли синее небо. (19)
- Вот что [мешало]
увидеть Пэнлай. (20)
- Сюй Ши
взял с собой циньских женщин. (21)
- [Поэтому] джонки
несколько раз возвращались. (22)
- [Но] лишь увидел [то, что]
под тремя источниками. (23)
- В золотом саркофаге
захоронили остывший пепел⁴⁶. (24)

Так, присущая Громовержцу (которым может быть на земле как военачальник, так и император) функция борьбы с *хтоническим* персонажем, будь то *Змей* или *Кит*, и их убежища, как препятствия на пути в чужую страну или страну, населенную бессмертными, легко просматривается во всех приведенных текстах китайских и корейского поэтов, делая их понятными всему индоевропейскому миру.

Для дальневосточного же читателя интересно, что четверостишие корейского поэта Чхве Чхивона оказалось наиболее близким в реализации заданной темы стихотворению китайского поэтического гения Ли Бо.

L. Zhdanova. Development of one mythological subject in the poems of Chinese poets Gu Yun and Gao Pian and Korean poet Ch'oe Ch'iwon (IX c.)

The plot of these three poets is connected with such cosmic action as Heavenly Thunderstorm which was broken out on one of the sea-lanes from Annam to Guangzhou. It happened just as General Gao Pian met with the obstacle (the rock) on his route. The obstacle symbolised unwillingness of the southern «barbarians» (*man*) to submit to the Chinese army. But Heaven Itself helped Gao Pian.

So the military action was realised by archaic consciousness as one of the main function of the Thunderer in his struggle with such chthonian (including aquatic) characters as serpent, whale, frog, cockle-shell, worm, and their receptacle — Green Rock.

We can suggest that these mythological notions of the Far-Eastern peoples can be similar to Indo-European ones. As we know, myth about the single combat of the Thunderer with Serpent (or its substitute) is the central in this culture.

⁴⁶ Ли Тай-бо цюань цзи (Полное собрание сочинений Ли Тай-бо). С комментариями цинского Ван Ци. Пекин, 1977, т. 1, с. 92.